
ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

УДК 82(091)+82-94

М. В. ГУНДАРИН, Е. А. ПОПОВ*

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Из книги о жизни и творчестве Фазиля Искандера

Как ни странно, до сих пор нет подробной биографической работы о всемирно известном Фазиле Искандере. Каковы подробности его детства и отрочества? В какой мере автобиографична его проза? Каковы были его политические взгляды и убеждения? Зачем он решил войти в круг организаторов заведомо скандального альманаха «МетрОполь»? Наконец, почему его — уникальный в писательской среде случай — любили все?

На эти вопросы надеются ответить в своей книге «Фазиль» хорошо знавший Искандера прозаик Евгений Попов и его соавтор, прозаик и общественвед Михаил Гундарин. Им удалось собрать множество прежде неизвестных фактов о жизни и творчестве великого писателя. В предлагаемой главе рассказывается о студенческих годах Фазиля Искандера, выпускника Литературного института.

Ключевые слова: Фазиль Искандер, Литературный институт, Московский государственный библиотечный институт, Александр Коваленков, Владимир Солоухин, Евгений Евтушенко.

НЕВЕСЁЛАЯ МОСКВА

1947 год. Восемнадцатилетний Фазиль Искандер впервые приехал в Москву. С золотой медалью в небольшом чемоданчике. Ему предстоял переход в новую жизнь, целиком и полностью отличную от привычной ему. Где он, книжный подросток, хоть и стоял несколько в стороне, но вокруг-то были все свои. В Москве всё иначе.

Почему он выбрал столицу?

А других вариантов просто не было.

Сухумские вузы для него были «ненастоящими».

* Михаил Вячеславович Гундарин — писатель; кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы, маркетинга и связей с общественностью Российского государственного социального университета (Москва, Российская Федерация); GundarinMV@RGSU.net

Евгений Анатольевич Попов — писатель; руководитель творческого семинара прозы, доцент кафедры литературного мастерства Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); popov1984@yandex.ru

В Тбилиси выходцу из Абхазии, надо думать, были бы не очень рады. Да и не могли ничем помочь национальные вузы юноше, увлечённому литературой. Русской литературой — а через неё и всемирной.

Кстати, о национальности. Для поступления в университет надо было выправить документы, восстановить утерянное свидетельство о рождении. Неведомый сухумский клерк старался как мог, но с русским у него, видно, были большие нелады. В результате в графе «национальность» у Искандера появилась краткая и энергичная, но на слух неприличная надпись: «персюк». В других анкетах Искандера именовали то «иранцем», то «персом». Лишь через годы он стал для канцеляристов «абхазом».

Прежде Искандер надолго своих родных мест не покидал. Многое ему было в диковинку. Хотя чем любоваться из окна поезда, разве что природой, которая постепенно теряла яркие южные краски, становилась сдержанной, северной? Да смотреть на развалины городов, городков, пепелища деревень... Не будем забывать, что в 1947 году страна не оправилась после военной катастрофы. Эти тяготы касались и Абхазии, но будем честны — не в тех горьких образах, которые открывались едущему по России юному Искандеру.

Даже реальная Москва отличалась от своих парадных фотографий, которые мог видеть в газетах и в «Огоньке» старшекласник Искандер. Широкие проспекты, автомобили (преимущественно трофейные), улыбающиеся лица. Дети, занимающиеся спортом или играющие (кто помладше) в песочнице, причём огромная песочница, судя по снимкам, имелась даже в самом центре столицы, совсем рядом с Тверской, тогда улицей Горького.

1946 год оказался настолько неурожайным, что правительству пришлось идти на повышение продуктовых цен. Подорожал даже хлеб. Обед в заводской, да и студенческой столовой стал многим не по карману. По сводкам госбезопасности, люди были очень этим недовольны, особенно повышение цен ударило по семьям, потерявшим во время войны кормильцев. Из дневника тогдашнего школьника-москвича: *«Идём в школу голодные и приходим из школы — есть нечего, ложимся голодные. Что делать? Ведь нельзя же быть совершенно голодным».*

А это фрагмент из справки прокурора по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуратуре СССР:

«Проверка показала, что колоссальное количество детей (может быть, большее, чем задержано) продолжает быть на “улице”, и особенно резко бросается в глаза беспрепятственное занятие детей торговлей на рынке, у вокзалов, кинотеатрах, в магазинах и проч. местах скопления публики. Поражает своей массовостью торговля среди детей в крупных булочных городах. В дверях любой булочной Свердловского р-на вас первым долгом встречают подростки с вопросом: “Нет ли продажных талонов”... Из беседы с работниками магазина удалось выяснить, что подростки здесь буквально живут, не дают прохода покупателям в поисках продажных талонов. Девочки испорченные, ведут себя отвратительно: курят, ругаются...».

Талоны на продукты питания и некоторые товары народного потребления выдавали по месту прописки в тогдашних домоуправлениях, ЖЭКах, или в общежитиях — для студентов вузов и техникумов. Карточную систему отменили в СССР только в декабре 1947-го, через полгода после приезда Искандера в Москву. Отменили согласно постановлению Совета министров

и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Копеечное, но широко рекламируемое снижение цен на продукты тоже было приурочено к началу денежной реформы и отмене карточек.

До этого без «карточек» невозможно было купить даже хлеба. Их потеря становилась для многих бедных семей трагедией. Вспомните яркий эпизод из знаменитого телесериала «Место встречи изменить нельзя», действие которого вершится именно в это скудное послевоенное время. Глеб Жеглов и Володя Шарапов отдают свои карточки взамен украденных многолетней соседке по коммунальной квартире...

Карточки отменили, но малолетняя шпана осталась. Да и «девочки испорченные» курить и ругаться не прекратили. И фронтовики-инвалиды на скрежещущих подшипниками самодельных деревянных колясках побирались и распевали свои жалобные песни по электричкам. В том числе знаменитое:

Я был батальонный разведчик,
А он писаришка штабной.
Я был за Россию ответчик,
А он спал с моею женой.

От столичных инвалидов, впрочем, избавились в 1949-м, к семидесятилетию Сталина. Вывезли их за пределы Москвы и Ленинграда, чтобы не позорили социализм.

Ну, а одежды и обуви в продаже просто не было (за исключением коммерческих магазинов, которые были простым людям совершенно не по карману). Трудно было делать вид, что всё в порядке, даже перед вчерашними союзниками. Вот что вспоминал один из работников ВОКСа — Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, была такая внешнепропагандистская организация:

«В 1946 году СССР постиг неурожай, и народ, наголодавшийся в войну, снова стал страдать от сильного недоедания. Наша организация, занимаясь пропагандой, рассылала фотографии парадов и демонстраций во все страны. Однако почти все снимки демонстрации 7 ноября 1947 года наше начальство забраковало и их никуда не послали. “Почему?” — недоумевал я, глядя на снимки обычных для меня колонн рядовых москвичей. “А ты взглядишь повнимательней”, — посоветовал мне кто-то из старших и опытных. Я взгляделся внимательней и ужаснулся: на фоне ГУМа брели бедно одетые шеренги тощих полудистрофиков с вымученными улыбками. Что и говорить, сквернейшая пропаганда для Запада!»

Фазиль тоже участвовал в ноябрьских торжествах и был одет, конечно, ничуть не лучше других. Да и питался тоже скверно — хотя какие-то посылки с родины получать удавалось, богачей среди родни не было, побаловать они ничем особо не могли.

Зато появилось нечто вроде новой буржуазии. Как писали обиженные этим современники:

«Спекулянты, а также работники детских садов, столовых, пекарен, магазинов за время войны разбогатели на крохах рабочих. Директора детских садов, а также их повара, отнимая у детей принадлежащий им паёк, заимели по

50–100 тысяч рублей. Сейчас покупают дачи... Продавцы магазинов, бывшие уборщицы, заработали золотые часы своим обвешиванием и не давая сдачи покупателям».

Или ещё:

«За период Отечественной войны в результате материальных и других трудностей распространились внутри страны злодеяния, которые наносят огромный ущерб нашему народному хозяйству. Имеются в виду: блат, взятки, спекуляция, хищение, присвоение государственной собственности, злоупотребление занимаемым положением, вымогательство, рвачество... Имеются и такие лица, которые воспользовались эвакуацией, оккупацией, разрушениями, чтобы завладеть огромным имуществом. Москва стала настоящим городом контрастов — чуть не единственным в Союзе. Работали рестораны. Практически открыто продавались вывезенные из Германии ценности, жёны ответственных работников и деятелей культуры шеголяли в золоте и мехах. В том числе и по новоназванному, именно в июне 1946-го, проспекту Калинина — бывшей Воздвиженке».

Это немедленно нашло отражение в массовом фольклоре, который по преимуществу имел, так сказать, *антисоветский* характер. На мотив знаменитой, идеологически выдержанной песни из кинофильма «Весёлые ребята» несознательные граждане пели:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт ни хрена.
И любит кашу директор столовой,
И любят кашу обжоры-повара.

Ну, и несколько штрихов к культурной картине тех лет. Тоже невесело. Постановлением ЦК ВКП(б) признано, что вторая серия фильма «Иван Грозный» (постановка Сергея Эйзенштейна) не выдерживает критики ввиду её антиисторичности и антихудожественности. Сталин заявил на заседании Оргбюро ЦК в августе 1946 года:

«Или другой фильм — “Иван Грозный” Эйзенштейна, вторая серия. Не знаю, видел ли кто его, я смотрел, — омерзительная штука! Человек совершенно отвлёкся от истории. Изобразил опричников как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского Ку-Клукс-Клана. Эйзенштейн не понял того, что войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство, против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его <...> Это ясно для всякого и для Эйзенштейна должно было быть ясно. Эйзенштейн не может не знать этого, потому что есть соответствующая литература, а он изобразил каких-то дегенератов. Иван Грозный был человеком с волей, с характером, а у Эйзенштейна он какой-то безвольный Гамлет».

В результате выпуск фильма на экран был воспрещён. «Смыть!» — по легенде, приказал верховный кинематографист.

В том же 1946-м вышло Постановление ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Зощенко и Ахматова были объявлены подонками и пошляками.

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства, — заявляло по-

становление. — Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на её запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в своё дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, “искусства для искусства” чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах.

А вот выступление уже в 1947 году сталинского идеолога Андрея Жданова, который принялся громить отечественную философию:

«Как вы помните, известные решения ЦК по идеологическим вопросам были направлены против безыдейности и аполитичности в литературе и искусстве, против отрыва от современной тематики и удаления в область прошлого, против преклонения перед иностранщиной, за боевую большевистскую партийность в литературе и искусстве. Известно, что многие отряды работников нашего идеологического фронта уже сделали для себя надлежащие выводы из решений ЦК и на этом пути добились значительных успехов. Однако наши философы здесь отстали. Видимо, они не замечают фактов беспринципности и безыдейности в философской работе, фактов пренебрежения современной тематикой, фактов раболепия, низкопоклонства перед буржуазной философией. Они, видимо, считают, что поворот на идеологическом фронте их не касается. Теперь всем видно, что этот поворот необходим <...>. Все силы мракобесия и реакции поставлены ныне на службу борьбы против марксизма. Вновь вытаснены на свет и приняты на вооружение буржуазной философии, служанки атомно-долларовой демократии, истрёпанные доспехи мракобесия и поповщины: Ватикан и расистская теория; оголтелый национализм и обветшавшая идеалистическая философия; продажная жёлтая пресса и растленное буржуазное искусство».

Эти постановления в обязательном порядке изучали студенты советских вузов. В главный из них, в Московский государственный университет имени Ломоносова, и приехал учиться «на философа» выпускник сухумской школы Фазиль Искандер.

В БИБЛИОТЕЧНОМ

Широко известен рассказ Фазили Искандера «Начало», написанный спустя четверть века после означенных событий. Но грех будет не процитировать его и здесь.

«Не испытывая никакого особого трепета, я пришёл в университет на Моховой. Я поднялся по лестнице и, следуя указателям бумажных стрел, вошёл в помещение, уставленное маленькими столиками, за которыми сидели разные люди, за некоторыми — довольно юные девушки. На каждом столике стоял плакатик с указанием факультета. У столиков толпились выпускники, томаясь и медля перед сдачей документов. В зале стоял гул голосов и запах школьного пота.

За столиком с названием “Философский факультет” сидел довольно пожилой мужчина в белой рубашке с грозно закатанными рукавами. Никто не толпился возле этого столика, и тем безудержней я пересёк это пространство, как бы выжженное философским скептицизмом.

Я подошёл к столику. Человек, не шевелясь, посмотрел на меня.

— Откуда, юноша? — спросил он голосом, усталым от философских побед.

Примерно такой вопрос я ожидал и приступил к намеченному диалогу.

— Из Чегема, — сказал я, стараясь говорить правильно, но с акцентом. Я нарочно назвал дедушкино село, а не город, где мы жили, чтобы сильнее обрадовать его дремучеством происхождения. По моему мнению, университет, носящий имя Ломоносова, должен был особенно радоваться таким людям.

— Это что такое? — спросил он, едва заметным движением руки останавливая мою попытку положить на стол документы.

— Чегем — это высокогорное село в Абхазии, — доброжелательно разъяснил я.

Пока всё шло по намеченному диалогу. Всё, кроме радости по поводу моей дремучести. Но я решил не давать сбить себя с толку мнимой холодностью приёма. Я ведь тоже преувеличил высокогорность Чегема, не такой уж он высокогорный, наш милый Чегемчик. Он с преувеличенной холодностью, я с преувеличенной высокогорностью; в конце концов, думал я, он не сможет долго скрывать радости при виде далёкого гостя.

— Абхазия — это Аджария? — спросил он как-то рассеянно, потому что теперь сосредоточил внимание на моей руке, держащей документы, чтобы вовремя перехватить мою очередную попытку положить документы на стол.

— Абхазия — это Абхазия, — сказал я с достоинством, но не заносчиво. И снова сделал попытку вручить ему документы.

— А вы знаете, какой у нас конкурс? — снова остановил он меня вопросом.

— У меня медаль, — расплылся я и, не удержавшись, добавил: — Золотая.

— У нас медалистов тоже много, — сказал он и как-то засуетился, зашелестел бумагами, задвигал ящиками стола: то ли искал внушительный список медалистов, то ли просто пытался выиграть время. — А вы знаете, что у нас обучение только по-русски? — вдруг вспомнил он, бросив шелестеть бумагами.

— Я русскую школу окончил, — ответил я, незаметно убирая акцент. — Хотите, я вам прочту стихотворение?

— Так вам на филологический! — обрадовался он и кивнул: — Вон тот столик.

— Нет, — сказал я терпеливо, — мне на философский».

Совсем не обязательно, что именно такой диалог имел место в действительности. Но он во многом характерен. Мы видим здесь классическую картину, ничуть не изменившуюся за последующие десятилетия: предвзятое отношение москвичей, да ещё облечённых властью, пусть и самой ничтожной — принимать документы у абитуриентов — к людям с окраин. Видим и наивную гордость молодого пришельца из другого мира в этот столичный. Да и отсутствие акцента, чем вчерашний школьник с Кавказа наверняка гордился (и справедливо, такое встречается нечасто). Ну и наконец фраза-диалог, ставшая, можно сказать, крылатой: «— Абхазия — это Аджария? — Абхазия — это Абхазия». Московский клерк не просто не осведомлён о мире, из которого прибыл в Москву юноша, он не намеренно, но от этого ещё более обидно, путает Абхазию с грузинским регионом. Впору хвататься за воображаемый кинжал!

В общем, нечто подобное и произошло: абитуриент покинул университетские стены. Если верить этому рассказу Искандера, на философский он не пошёл из гордости и обиды на приём со стороны представителя МГУ. Но почему библиотечный? Не без лукавства автор в цитируемом рассказе объясняет это случайностью:

«В тот же день я поступил в Библиотечный институт, который по дороге в Москву мне усиленно расхваливала одна девушка из моего вагона. Если человек из университета всё время давал мне знать, что я не дотягиваю до философского факультета, то здесь, наоборот, человек из приёмной комиссии испуганно вертел мой аттестат как слишком крупную для этого института и потому подозрительную купюру. Он присматривался к остальным документам, заглядывал мне в глаза, как бы понимая и даже отчасти сочувствуя моему замыслу и прося, в ответ на его сочувствие, проявить встречное сочувствие и хотя бы немного раскрыть этот замысел. Я не раскрывал замысла, и человек куда-то вышел, потом вошёл и, тяжело вздохнув, сел на место. Я мрачнел, чувствуя, что переплачиваю, но не знал, как и в каком виде можно получить разницу... Этот прекрасный институт в то время был не так популярен, как сейчас, и я был чуть ли не первым медалистом, поступившим в него».

На самом деле среди вариантов был ещё Полиграфический институт, но там тоже энтузиазма по поводу зашедшего «гостя с юга» не выказали.

Вместе с тем мы должны признать, что Библиотечный институт обладал для парня из далекой провинции несколькими несомненными достоинствами. Во-первых, там нужно было учиться не пять лет, как в остальных вузах, а только четыре. Во-вторых, огромное количество девушек, составлявших почти сто процентов студентов Библиотечного, могло казаться приезжему юноше огромным преимуществом (на самом деле всё наоборот — кто из мужчин учился на «женских» факультетах, тот знает, что пребывание там никак личной жизни не способствует). Ну и в-третьих: в хорошо знакомом мире книг, к которым тебя тянуло с детства, ты как будто снова оказываешься не в чужом, враждебном по природе городе, а в родном доме. До старости его теперь не покинешь!

Это учебное заведение, позднее обзаведясь множеством новых специальностей и направлений подготовки, вроде режиссуры и хореографии, и ставшее Институтом культуры, было основано в 1930 году. Большую роль в его создании сыграла вдова Ульянова-Ленина Надежда Константиновна Крупская, курировавшая библиотечное дело (в частности, по её инициативе изымались из библиотек всякого рода сомнительные книги, в том числе классика). Институт поначалу получил шикарное место — прямо напротив Кремля, на углу Моховой и Манежной. Правда, в 1936 году, ещё при жизни Крупской, заведение выселили в дальние-предальные тогда Химки на левый берег канала имени Москвы, где, правда, были построены несколько учебных корпусов, включая возделенное для многих общежитие.

Во времена Искандера в Библиотечном был один факультет и три кафедры — библиотековедения, библиографии, детской литературы и библиотечной работы с детьми (в 1949-м откроется ещё один факультет — культурно-просветительной работы, занимавшийся подготовкой организаторов и методистов клубного дела, — но Искандер как раз в это время будет думать о том, чтобы с этим институтом расстаться).

Но пока Фазиль Искандер в Химках поселился. Вроде и Москва. А вроде и нет. Дачи, старые деревянные дома с печками, водоразборные колонки на пыльных улочках...

Парней в Библиотечном училось совсем немного, поэтому вокруг него быстро образовалась компания, в которую, в частности, входили коренной

москвич Зорий Яхнин — будущий знаменитый сибирский поэт, попавший в Красноярск по распределению, фронтовик Вася Васильев, который, окончив Библиотечный, отчего-то стал работать в УИТЛК, Управлении исправительно-трудовых лагерей, тогдашнем ФСИНе, что нынче ведаёт системой исполнения наказаний. Был в этой компании и настоящий испанец по имени Хосе Фернандес, из тех детей, которых во время Гражданской войны в Испании вывезли в СССР, спасая от военных действий. Но самым эксцентричным из тогдашних друзей Фазиля был некий Володя Клячко, которого все почему-то именовали «Зючка». Он был эрудитом, добряком и умницей, что не мешало ему вопреки всякой логике утверждать, что он является незаконным отпрыском, плодом тайной любви Элеоноры Рузвельт (!) и адмирала Канариса (!!!). В ответ на возражения Фазиля, что этого не было, потому что не могло быть никогда, он снисходительно улыбался, напускал на себя таинственный вид и плёл что-то про ленд-лиз, Ялтинскую конференцию и сети шпионажа. Чем не сюжет для небольшого рассказа Искандера? Ещё сюжет: Хосе Фернандес всё-таки вернулся в Испанию, там разбогател, звал Фазиля в гости, обещая *оплатить всё*. Гордый чегемец Фазиль от любезного приглашения вежливо отказался.

Зорий Яхнин потом всю жизнь гордился тем, что учился с Фазилем, вспоминал об их тогдашних студенческих забавах, причём не очень-то невинных: парни ездили в электричке из Москвы до Левобережной, где помещался институт, и если в вагон заходил контролёр, то студенты доставали студенческие билеты — Московский государственный библиотечный институт, МГБИ, закрывали букву «И» — и получалось страшное МГБ, Министерство государственной безопасности. Вследствие чего контролёр в ужасе покидал компанию и более их не беспокоил.

А про Искандера Яхнин рассказывал, что однажды их студенческая компания выпивала где-то на окраине, нечем было закусить, и Фазиль с наивной непосредственностью постучал в первое попавшееся окошко одноэтажного дома и сказал: «Тётка, дай хлеба». И хлеба ему дали, что страшно удивило его приятелей — столичных жителей.

Искандер сам говорил по этому поводу: «Подвыпив, под хорошее настроение и будучи по молодости очень доброжелателен к миру, я мог быть уверен, что мне хлеба дадут ВСЕГДА».

Он, конечно, очень мёрз в Москве после Кавказа, и в зиму 1947/48 начались его вечные болезни «уха-горла-носа», от которых он так и не избавится до конца дней своих. Придётся и через операцию пройти, хотя много позже.

Послевоенный студенческий быт был спартанским. Несколько человек (но не менее десяти) в комнате, отсутствие элементарных удобств. Хотя мечтателя Фазиля всё это не слишком смущало.

Именно тогда он стал серьёзно писать стихи. То есть в сравнительно большом количестве и регулярно. Этим он не слишком отличался от своих однокашников. Известно ведь, что на библиотечных и филологических факультетах писали и пишут **все**. Но в отличие от прочих начинающих Фазиль уже тогда пытался вести себя профессионально. Хотя «литературные мечтания меня все время преследовали», — признается он позже.

1949 год в Абхазии стал годом большой беды — из неё насильственно выселили греков, тех, кто перед войной не уехал на свою родину. Многие при

этой крайне жёсткой спецоперации под кодовым названием «Волна» погибли, многие не вернулись из ссылки. Среди друзей детства Фазиля, конечно, были и абхазские ребята-греки, семьи которых жили здесь с самых незапамятных времен. Немало греков и среди героев книг Искандера. О драме 1949 года сам Фазиль Абдулович вспоминал потом не раз, конечно, с вполне однозначным и резким возмущением. И в романе «Сандро из Чегема» старый крестьянин Хабуг запрещает своему сыну покупать дом высланного грека, дом, который начальство предлагает дяде Сандро приобрести по дешёвке.

Ходили слухи, что за греками последует выселение и самих абхазцев. В «Сандро из Чегема» есть отзвуки и этих разговоров. Слава Богу, до нового варварского изгнания очередь не дошла, но в дальнейшем история с выселением крепко отозвалась и сказалась на всех жителях Абхазии. Дело в том, что, когда около тридцати тысяч греков были депортированы из Абхазии в Казахстан, вместо них в республику стали переселять жителей Западной Грузии. Они так и не обрели согласия с местным населением, так что вспыхнувший в начале 1990-х кровавый конфликт был заложен в этих благословенных краях, как мина, в конце сороковых.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ В ЛИТЕРАТУРУ

В Библиотечном Фазиль проучился три курса и, перейдя в 1951-м на четвёртый курс, последний перед получением диплома, вдруг покинул институт. По его признанию, *«через три года учёбы в этом институте мне пришло в голову, что проще и выгодней самому писать книги, чем заниматься классификацией чужих книг, и я перешёл в Литературный институт, обучавший писательскому ремеслу»*.

«Перешёл» — сказано слишком просто. Творческого конкурса никто не отменял, даже если можно было перезачесть другие гуманитарные предметы. Творческий конкурс Искандер прошёл по стихам. Поселили его в Переделкине — понятно, не на писательской даче, а в общежитии, ничем в лучшую сторону не отличавшемся от библиотечного. Легендарное общежитие на улице Добролюбова, воспетое многими, кому там довелось жить (а среди них такие литературные величины, как Астафьев, Гамзатов, Рубцов), будет открыто только в 1957 году.

О Литературном институте имени А. М. Горького подробно говорить здесь вряд ли уместно. Важно, что в Литературном институте была куда более насыщенная программа изучения литературы, чем в Библиотечном. И очень богатая библиотека — на книги которой Фазиль сразу же накинута. Именно здесь он впервые прочитал Достоевского. Как известно, Достоевского в большевистские времена не жаловали, переизданий было мало. Особенно были подозрительны «Бесы», а они произвели на Фазиля особое впечатление. Это Искандер, и впечатление было достаточно специфическим:

«Я впервые читал “Бесов” Достоевского, хохоча как сумасшедший над стихами капитана Лебядкина. Я уже знал, что Достоевский никогда стихов не писал. Тогда откуда такое пародийное мастерство? Я решил, что это плод фантазии тогдашнего графомана и Достоевский извлёк его из тогдашней редакционной почты. Притом именно одного графомана. Единство почерка не оставляло никакого сомнения».

Даже узнав, что это было совсем не так, будущий автор «Сандро из Чегема» сделал по поводу стихов Лебядкина оригинальное заключение — похоже, уникальное для Достоевсковедения:

«Вольно или невольно Достоевский, обращаясь к своим героям, говорит: вот вы, а вот ваше искусство. Таким оно будет, если вы победите».

Сказано метко, прозорливо — даже если сам Достоевский ничего такого в виду не имел...

Кстати, если впервые прочитанная «Анна Каренина» оказала на Искандера творческое влияние, то впервые прочитанные «Бесы» ни много ни мало, по мнению Фазиля, корреспондировали с событиями в окружающем мире.

«За ночь я дочитал роман, а утром в состоянии наркотической бодрости (разумеется, от чтения) вышел на улицу и увидел такую картину. Наша конторка начисто сгорела. Последние головёшки устало дымились. Возле пепелища стоял наш студент и, эпическим жестом приподняв головёшку, прикуривал... Я почувствовал, что содержание прочитанного романа имеет таинственное сходство с тем, что случилось с конторкой, но тогда до конца осознать суть этого сходства не мог».

Верить этому воспоминанию (приведённому в эссе, не в романе) или нет? Этим вопросом может задаваться разве что исследователь-биограф, простому читателю, которого Искандер приглашает в свой мир, никакие совпадения и чудеса необыкновенными не кажутся. Да и нам не хочется сомневаться! Наверняка сгорела несчастная конторка. И наверняка именно после прочтения «Бесов»! Кстати, что это была за «конторка» и почему в ней танцевали? Павильон?.. Может, «конторка» — это было какое-нибудь местное абхазское жаргонное слово, отличающееся от общепринятого в русском языке?

Нельзя сказать, чтобы жизнь в общежитии слишком тяготила Фазиля. Он выпивал, много общался с товарищами, букой и затворником точно не был, хотя любил остаться один (что проще всего получалось в библиотеке, он и стихи там писал). Даже ходил на танцы, попадал там в истории, о чём потом вспоминал не без юмора:

«Я пошёл в конторку, где наши студенты вместе с местной молодёжью устраивали танцульки. И сразу же из скандальной атмосферы романа попал в скандальную атмосферу слободских страстей (дело было в Переделкино). Местные ребята не без основания приревновали своих крепконогих красавиц к нашим студентам.

Как бы изощрённый многочасовым чтением Достоевского, я понял, что скандал грядёт, и внимательно вглядывался в шевелящуюся, стиснутую узким помещением толпу, как бы самой своей долгой стиснутостью порождающей желание размахнуться. Именно этого мгновения я старался не пропустить, и именно поэтому я его пропустил: неожиданно сам получил по морде. Парень, танцевавший возле меня, брякнулся и почему-то решил, что это я ему подставил ногу. Не успев осмыслить происходящее, я ударил его в ответ, и он опять упал. Видимо, склонность к падению заключалась в нём самом. Так он подготовился к вечеринке. Я пробрался к выходу, явно предпочитая скандал на страницах романа скандалу в жизни».

Наставником Искандера в Литинституте был подзабытый сегодня поэт Александр Коваленков, человек нелёгкой, но во многом характерной для

своего поколения (он родился в 1911 году) судьбы. Окончил Московский институт кинематографии, совсем молодым участвовал в Первом съезде советских писателей. Между прочим, рецензию, в целом положительную, хотя и небольшую, на его первый сборник написал не кто иной как Осип Мандельштам. То есть, конечно, эту комсомольскую по сути и складу поэзию Мандельштам разругал, но некоторые строки отметил, и это многого стоит!

«Душевный мир советской учащейся молодежи не является чем-то абсолютно достоверным, открытым, лежащим на ладони. Способность самонаблюдения плохо развита. Большинство новых эмоций никем ещё не выражено. Например, сотни тысяч юношей посещают стадионы, но только одному Коваленкову удалось сказать:

И холодок волнения гусиный
Опять со мной на цыпочки встаёт...

Великолепные два стиха. Лучшие в сборнике».

Коваленков воевал в Заполярье. Был ранен. В ночь смерти Сталина его арестовали — к счастью, скоро выпустили, без последствий. Прославился (пусть и не надолго) как поэт-песенник, работал с выдающимися композиторами того времени (Р. Глиэр, Е. Родыгин, М. Табачников, А. Силантьев, В. Шебалин), был автором слов хита послевоенных лет — который поют армейские хоры и до сих пор, большая редкость!

Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты.
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты.

От жары, от злого зноя
Гимнастёрки на плечах повыгорали.
Своё знамя боевое
От врагов солдаты сердцем заслоняли...

Из известных сегодня (скажем точнее: незабытых) песен Коваленкова ещё «Сядь со мною рядом, / Рассказать мне надо, / Не скрывая, не тая, / Как я люблю тебя». Довоенный шлягер в исполнении сладкоголосого Георгия Виноградова перпевают многие, относительно недавно — Максим Леонидов. Автор стихов, правда, не упоминается.

А Коваленков не только песенные стихи писал, но и выпустил несколько интересных работ по стихосложению!

Владимир Солоухин, знаменитый прозаик и поэт, окончивший Литинститут на три года раньше Искандера (и весьма далёкий от него), о Коваленкове вспоминал так:

«Он был поэт, педагог, прозаик, теоретик русского стихосложения, интересный собеседник, эрудит, рыболов, грибник, неисправимый романтик.

На вид он казался суховатым педантом, а на самом деле был душевным и отзывчивым человеком, склонным к выдумке и фантазии...

На его семинар ходили с других семинаров и с разных курсов. Пожалуй, только здесь можно было услышать, как свободно оперирует учитель строками и строфами из Верлена, Вийона, Данте, Петрарки, Аполлинера, Петефи,

Бодлера, Верхарна, Эминеску, Уитмена, Киплинга, Саади, Хафиза, а потом ещё из малоизвестных нам тогда Нарбута, Хлебникова, Бориса Корнилова, Незлобина, Ходасевича, Саши Чёрного, Цветаевой...

Автор тонких лирических стихотворений, он втайне гордился не больше ли, чем своей лирикой, тем, что солдатский строй поёт его песню “Солнце скрылось за горою, затуманились речные перекаты...”. Он хорошо воевал, и вообще был мужественным человеком.

Природу он любил не как её слепая частица, а пропуская через сложнейшие сита ассоциаций и реминисценций. Была у него тяга, так сказать, к микромиру. Не просто пейзаж — лес и река, но стоять и следить, как с вершины осины падает красный лист. Его зигзаги, его бреющий полет доставляли поэту такое же эстетическое наслаждение, как балет или музыка...»

Вот какой наставник достался Искандеру! Искандер оставил такое признание о Коваленкове:

«Он был очень образованным человеком, и он нам, как образованный человек, много дал. Я в те юные времена писал “под Маяковского”, и он достаточно жёстко старался мне показать, что это — подражание, что я иду неправильным путем, и я внял его критике».

Подходит время первых публикаций. Тут мы в некотором затруднении — стоит ли всерьёз говорить о ранних стихах Искандера, прежде всего выдающегося мастера прозы? Но как не сказать, ведь это часть, причём важная, его творческого пути. Да и в отдельных строках — будем честны — не слишком выдающихся текстов действительно проглядывает будущий Искандер. Ну и потом — сам автор включал ранние стихи в свои последующие книги, в том числе в самый объёмный сборник стихов «Путь», ставший во многом итоговым (1987).

Фактическим дебютом Искандера оказалось стихотворение «В горах Абхазии», опубликованное в газете «Советская Абхазия» 15 июня 1952 года. Вполне себе ученический текст, упражнение на краеведческую тему. Можно пройти мимо.

Следующая публикация уже интереснее. Журнал (тогда ещё альманах) «Молодая гвардия», 1953 год, номер восемь. Поэтический дебют Фазиля Искандера в «центральном издании», как говорили тогда.

Стихотворение «Первый арбуз».

Над степью висит раскалённое солнце.
Сидят под навесом три волгодонца.
На степь глядят из-под навеса,
Едят с повышенным интересом.
Ещё бы!
Ребята устали за день.
Рубашки к телу прилипли сзади.
А под столом в холодном ведре
Арбуз прохлаждается в свежей воде.
Фабричным клеймом на коже
Кто-то старательно выскреб «В. Д.».
Его на стол кладут осторожно,
С минуту любуясь, не режут нарочно.

Но вот в него нож вонзился, шурша,
И брызнули косточки, скользки и липки,
С треском выпрыгивая из-под ножа,
Как будто живые чёрные рыбки.
Арбуз просахарен от жары
До звонкой и тонкой своей кожуры.
Прохлада ознобом проходит по коже,
А ломкие ломти на соты похожи.
Влажной землёй арбуз пропах,
Он, как снег под ногами, хрустит на зубах,
И сочная мякоть его красновата,
Как снег, окроплённый февральским закатом.
Ещё степи пахнут палёной травой,
Ещё на рубашке пот трудовой,
Но с первой бахчи друзья принесли
Первый арбуз — благодарность земли.

Конечно, если признаваться положила руку на сердце, то и это стихотворение не шедевр. Но обращают на себя внимание искандеровские сравнения и метафоры — косточки-рыбки, ломти-соты, арбуз, хрустящий, как снег. Они, как это и бывает у начинающих поэтов, самоценны, на общую концепцию стихотворения работают мало. Видим мы тут и Маяковского, и Багрицкого, и такую усреднённую хвалу трудовому подвигу.

Ничего особенного, вроде бы, но — атмосфера раскалённого степного дня хороша (кстати, если они устали за день, уже должен быть вечер? Почему же солнце так палит?). Да и арбуз описан, что называется, сочно. Оптимистично. Энергично.

Стоит ли задаваться вопросом: это природные ощущения южного, да ещё и очень молодого человека, или требуемый по соцреалистическому канону оптимизм? Ну, как-то одно совпало с другим — видимо, стоит сказать так.

Стихотворение «Первый арбуз» Искандер включит в свой первый сборник стихов, который выйдет через четыре года в Абхазии.

А пока отметим, что до выпуска из Литинститута Искандер напечатал всего лишь два стихотворения — «Приезжайте на лето» и «Против равнодушия». Оба в «Советской Абхазии». В книги он их не включал. Очень негусто, прямо скажем! Особенно если сравнить с Евгением Евтушенко, учившимся в Литинституте примерно тогда же (но не окончившим вуза). Что, впрочем не помешало «беспартийному большевику» Леониду Соболеву, члену правления СП СССР и председателю Государственной экзаменационной комиссии, одобрительно отозваться о выпускнике Искандере со страниц «Литературной газеты». Это был первый публичный отзыв об Искандере, к тому времени, напомним, напечатавшем всего-то четыре стихотворения, из которых три — в провинциальной газете! Такая счастливая у него судьба; Фазиля любили, кажется, все, даже литчиновники — что, впрочем, не мешало им вставлять Искандеру палки в колёса.

Ещё одно его стихотворение, «Мне право дано...», которое потом войдёт в первую книгу, было напечатано уже в газете «Брянский комсомолец», куда Искандер будет распределён после выпуска, в 1954 году.

ДИАЛОГ АВТОРОВ КНИГИ

Евгений Попов: Про Библиотечный институт я много слышал в Красноярске от Зория Яхнина. Друг юности Искандера, кстати, первым напечатал мой первый рассказ, когда мне едва-едва исполнилось шестнадцать лет. Но это отношения к нашей книге не имеет. Хотя, может, и имеет. А про Литинститут, про Коваленкова — сам Фазиль мне поведал. Он относился к своему Мастеру с неменьшим уважением, чем Солоухин.

Михаил Гундарин: Конечно, не следует забывать, что Искандер, когда учился, был только поэтом, прозу ещё не писал.

Е. П.: Но когда мы с Вами говорим, что он «пытался вести себя профессионально», то невольно вспоминаю, как он рассказывал мне о своей первой встрече с Евгением Евтушенко. Встретились они у Семёна Кирсанова. Помните, был такой поэт, друг Маяковского?

М. Г.: Конечно, помню.

Е. П.: Фазиль принёс ему стихи, и Кирсанов познакомил его с каким-то долговязым парёнком, велел им дружить. Они вышли от Кирсанова вместе. Паренёк был не кто иной, как юный Евгений Александрович. Евтушенко, моложе Фазиля на три или четыре года, но к тому времени уже всю печатался. Как «столичная штучка», он тут же взял шефство над «провинциалом». Удивился, что кавказец, о котором так лестно отзывается сам Кирсанов, никого, *кого надо*, в Москве не знает. Нужно публиковаться, пытаться войти в *их круг*, убеждал Евтушенко своего нового знакомого. Сам он, в отличие от Искандера, уже тогда чувствовал себя в литературе, как рыба в воде. Принятый в Литинститут даже без так называемого аттестата зрелости, выпустил уже несколько книжек. На похоронах Фазиля он вспоминал, как они вместе ходили в театры, куда им доставала контрамарки мама Евгения Евтушенко Зинаида Ермолаевна, администратор филармонии. Его удивляло, что Искандер, «такой трагической писатель», почему-то любил оперетту. Потом их пути разошлись Фазиль уехал по распределению в Брянск, а Евтушенко тогда Литинститут так и не окончил, несмотря на всю свою достигнутую известность, а может, и благодаря ей.

М. Г.: А с кем ещё был на одном курсе Искандер?

Е. П.: В 1954 году вместе с Фазилем окончили Литинститут прозаики Майя Ганина, Владимир Карпов, который говорил, что во время войны стрелял таких мерзавцев, как авторы и составители альманаха «МетрОполь», поэт Кирилл Ковальджи, воспитавший целую плеяду замечательных русских поэтов конца XX века, драматург и публицист Леонид Жуховицкий, легендарная Зоя Крахмальникова, которой Окуджава посвятил песню «Прощание с новогодней ёлкой», красавица, арестованная в 1982 году за издание православного альманаха «Надежда».

М. Г.: Вы говорили, что видели «дело» Фазиля Искандера в Литинституте?

Е. П.: Даже два «личных дела». Одно — студента Литинститута Фазильбея Искандера, комсомольца с апреля 1945 года, переведённого с 4-го курса Библиотечного института и зачисленного 31.08.1951 на 2-й курс Литинститута, т. к. «он прошёл творческий конкурс и командирован Союзом писателей Абхазии как талантливый поэт». Характерно, что уже 12.09.1951 Искандер был перезачислен на 3-й курс с правом свободного посещения

«политэкономии, истории новейшего времени и зарубежной литературы». Практиковался месяц с 7.02.1952 в Сухуми, газета «Советская Абхазия», а с 24.01.1953 в газете «Дагестанская правда», Махачкала. Получил месячный отпуск с 5 марта по 5 апреля 1953 г. «для собирания материалов и работы над задуманной поэмой». Получил выговор за утрату студенческого билета, который у него украли в электричке. 24 июня 1954 года постановлением Государственной экзаменационной комиссии № 14 ему была «присвоена квалификация литературного работника».

Второе «дело» — «старшего преподавателя кафедры художественного перевода, руководителя семинара абхазской переводческой группы» Фазиля Абдуловича Искандера (1971–1973).

О чём я узнал впервые. Он как-то об этом этапе своей жизни особо не распространялся. Он вообще о многом не любил рассказывать.

М. Г.: Можно ли думать, что тогда, в Литинституте, ничто не говорило о складе ума Фазиля, его парадоксализме, грядущем виртуозном понимании окружающей реальности?

Е. П.: Говорило. Фазиль есть Фазиль. Он, живя в сталинской России, и не думает скрывать, что его отец Искандер Абдул Ибрагимович, 1885 г. р., мещанин, — иностранный подданный, проживает за границей, работает на строительстве железной дороги, и даже указывает его весьма странный домашний адрес: Иран, город Решт, цветочный магазин «Аллаверди». Почему он уверен, что это ему *нужно* — не знаю.

А разве нет будущей «фазилевщины», когда на вопрос анкеты «*Принимал ли участие в Октябрьской революции*» он традиционно отвечает «нет», но совершенно не к месту добавляет «и не мог». Или хладнокровно сообщает: «Кроме русского, знаю родной абхазский, имею представление о грузинском, турецком и немецком языках».

М. Г.: *Имею представление!* Да, это уже писатель Фазиль Искандер.

© М. В. Гундарин

© Е. А. Попов